

Валерий Большаков

БРО

Валерий Большаков

Бро

«Автор»

2023

Большаков В. П.

Бро / В. П. Большаков — «Автор», 2023

Всё началось, как в заурядном сюжете про "попаданцев" - Игнат угодил в 1967 год, нестойкую пору между "оттепелью" и "застоем". Угодил в тело Марлена, такого же молодого парня, как он сам. Вечером попал в прошлое, а утром вернулся обратно, и обнаружил, что произошла рокировка - Марлен перенесся в "его" будущее. И опять заброс в год 50-летия Великого Октября... Теперь надолго. Что вынесут Игнат и Марлен, поменявшись местами и временами, что откроют для себя в прошлом и будущем, кем станут? И обоих не отпускают тревожные загадки: а почему неведомые силы выбрали именно их? И кто они, вообще? Что их связывает? И все ли тайны, открывшиеся им, окажутся добрыми?

© Большаков В. П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Большаков

Бро

Глава 1

*Пятница, 8 апреля 2022 года. Вечер
Нахабино, улица Институтская*

Когда я учился в Питере, то не боялся. Вовсе не потому, что рос сильным и смелым. Просто не лез никто. Может, «город Ленина» и впрямь культурная столица?

А переехал в Москву, и началось...

С другой стороны, если подумать, сам виноват – надо было уступить тогда, не доводить до драки, но уж больно Жека с погонялом «Капо» выживался, строил из себя мафиозного дона. Вот я и не сдержался, съездил по морде.

Я! Интеллигент вшивый, дрыщ конченный, опарыш розовый и прочая, и прочая, и прочая! Мог ли Женечка снести такое унижение от дрисливого задрота? Да еще на виду у всей шоблы?

Ответ отрицательный. И вот целую неделю «Капо» подкарауливает меня, чтобы отметить или, хотя бы, поиздеваться вволю – сушит, так сказать, подмоченную репутацию.

А у рекомого задрота – особенная гордость. Он, видите ли, не желает домой возвращаться короткими перебежками, прячась и вздрагивая. Не-ет, как сойдет с электрички, так и шествует, будто на параде, всем гопам назло! И переезжать даже не думает. «Отступить? Ни за что!» Да ведь и в Нахабино я не просто так поселился – специально выбирал местечко, чтоб до работы быстрее. А в полицию заяву накатать? Ну, это же вообще моветон! Не по-пацански как-то...

Я кисло вздохнул. Пацан нашелся! Двадцать восемь придурку, а в нем всё детство играет. Инфантил...

Поежившись, я затянул «молнию» до самого ворота. Когда из редакции уходил, похолодало до плюс десяти. А вечереет уже, да и сыро. И ветерок зябкий порывами...

Темные призмы высоток, что выстроились вдоль Институтской, обсыпались желтыми искрами светящихся окон. Машины по улице шуровали сплошным потоком, то фарами слепя, то недобро калясь «стопами». А сверху наваливалась ночь...

– Эй! Ты чего так долго? – послышался глумливый басок «Капо». – Мы тебя уже заждались!

Я похолодел, ощущая тоскливую пустоту и липкие разливы страха. «Встречающие» вышли на свет, все четверо. Кряжистый, наголо бритый Борька. Тощий, жилистый Паха «Глузд» с ухмылкой типа «гы». Туповатый увалень по прозвищу «Слон», и мрачного вида «Дьяк». Эти двое ни разу ко мне не приставали, но и не вмешивались, курили в сторонке...

– Как же вы все достали! – неожиданно вырвалось у меня.

«Глузд» хихикнул, задирая брови, а «Капо», обминая губами сигаретину, лениво смазал кулаком, метя мне в челюсть. Я легко увел голову, и внезапно испытал некий внутренний взрыв – клопочущая ярость распирала изнутри, грозя разорвать в своем неистовстве. И тут же во мне родилось странное, пугающее ощущение чужого присутствия.

Описать это чувство вряд ли возможно. Мне вдруг показалось, что в мое тело вселился кто-то другой, сильный и умелый, а я просто мертвел от страха. Вскрикнул даже, но лишь задавленная хрипотца сорвалась с губ.

Сердце колотилось, как ненормальное, а меня всего, до отчаянья, до воя, захватывал накат безумия. Иное сознание теснило мое «Я», подавляя слабое трепыханье, но даже сквозь полуобморочный скулëж пробивалась ясность – чужой был добр.

И я, в момент наивысшего надрыва, перестал сопротивляться, мешать, метаться; притоптал ужас, как тлевшую траву. И мой кулак сжался, сокрушая челюсть «Капо». Сам хук прошел как бы мимо меня, уж слишком быстро изогнулась конечность. И тут же хлестко пробила нога, подсекая Женькино колено.

«Глузд» напал сзади. Мой локоть ударил за спину – грудину не проломил, но дыхание вышиб, а костяшки, продолжая движение, сломали Пахин нос.

«Слон», утробно мыча, решил вмешаться, и получил ногой в пах. Согнулся, болезненный, хапая ртом воздух, а мое колено тут же расквасило ему губы. Могло бы и зубы в глотку вколотить, но зачем так-то, не пропорционально?

Я смутно помню жесткие подробности – моя трясущаяся натура жалась на грани потери себя. Лишь вспышки боли ошпаривали нервы. Нет, ответные удары не сыпались – это надрывались мои хлипкие мышцы, растягивались связки.

Всё схлынуло так же неожиданно, как и началось. Я – буквальным образом! – пришел в себя. Тяжело дыша, разминал дрожащие пальцы, слыша частые, удалявшиеся шаги – «Дьяк» счел, что пятый – лишний.

«Слон» трубно сморкался, стоя на карачках. «Капо» лежал на газоне, слабо водя разбитым лицом по бурой прошлогодней траве, а «Глузд» ворочался, сипло отпуская матерки. Да, кажется, я ему врезал ребром ладони по горлу – не сильно, а то так и убить можно...

«Я?!» – содрогнулось мое нутро.

Губы лишь вяло скривились – сил не было совершенно. Морщась и охая про себя, я заковылял домой. Идти было недалеко – за угол завернуть, и отсчитать три двери в парадные...

Лишь теперь до меня дошло, что у разборки хватало зрителей – с краю двора, где одинокий фонарь светил на коническую крышу беседки, разносился встревоженный девичий щебет. Студентки.

Они чуть ли не весь первый подъезд оккупировали, снимая квартиры втроем, а то и впятером. Мои губы раздраженно дернулись, но их тут же потянуло изогнуться улыбкой – в стайке второкурниц я заметил Марину.

Она стояла вместе со всеми, и в то же время наособицу. Высокая, стройная, красивая до невозможности, девушка снилась мне. Я мечтал о ней, томился, но стеснялся даже смотреть в ее сторону. Может ли обычный смертный рассчитывать на благосклонность богини?

– Игнат! – окликнула Марина, и я обомлел.

Она позвала... меня?! Замерев, я растерянно смотрел, как девушка торопливо шла навстречу, чуть покачивая бедрами, как остановилась в каком-то шаге... Даже косой и резкий свет фонаря не портил изящные черты ее лица.

– Молодец! – с чувством вытолкнула Марина. – А то уже вконец обнаглели!

– Ну, да... – пролепетал я, растеряв все слова.

Издав еще парочку нечленораздельных фонем, побрел домой, кляня себя за позорную нерешительность и шипя от стыда.

«В кои веки Марина сама к тебе подошла! А ты, как последний дурак, изобразил то ли малую архитектурную форму, то ли бесформенный студень! Вот же ж идио-от...»

Застонав, я вошел в подъезд и утопил клавишу вызова лифта. Где-то в глубине шахты стонулась кабина, зашелестели, разматываясь, тросы. Грюкнув, откатилась дверь.

Я шагнул на пружинящий пол, и вжал кнопку «18». С деньгами туго было, пришлось покупать евродушку на последнем этаже. Зато там потолки высокие, по три метра...

Ввалившись в прихожую, я угрюмо хлопнул дверью, и разулся. Тело болело по-прежнему, и мне пришлось в голову залезть в ванну, напустив горяченькой. Попарюсь хоть...

Восьми еще нет. Ну, и что? Устал... Этот «чужой» вымотал меня до крайней степени. Высплюсь – и выходные. О-о! У меня же три отгула! Так что, извините, товарищи Стругацкие, понедельник начнется в четверг, и ни днем раньше!

Кряхтя, я погрузился в ванну по закону Архимеда. Шумная струя всё подливала и подливала парящей воды, отбирая у тела вес. А вот мысли мои отяжелели, помалу возвращая способность думать.

«Может, это полиментализм был? – рассуждал я «на чилле».¹ – А что? Вторглась в меня иная личность, откуда-нибудь из сопредельного пространства, чуть мою собственную не бортанула... Ну, не психопат же я! Ведь этот... чужой в самом деле умеет намять по организмам! А у меня, так только... Теоретическая подготовка...»

Постанывая, я вылез из ванны, и даже пробку не поленился вынуть.

«Всё, отбой...»

Оставив мокрое полотенце валяться на полу, поплелся в спальню. Чувствовал я себя, как игрушка, у которой кончился завод. Постанывая, вполз на диван-кровать, не сложенный с утра (а смысл его складывать? Вечером опять ложиться...), и замотался в одеяло.

«Не кантовать...»

* * *

Я бродил душой по спутанным сновидениям из тех, что впечатляют ночью, а утром забываются, утекая, как туман сквозь пальцы. Вернулся в явь, наверное, после двенадцати – организм ненавязчиво просился в санузел.

Я с удовольствием потянулся, зевнул от души, протирая глаза – и напрягся. Что-то не то... Да всё не то!

Откуда в моей спальне окно с допотопной форточкой? А это что глыбится в углу? Шкаф? Откуда у меня шкаф?! Все вещи в гардеробной! И постель...

Я принюхался. Да нет, пахнет приятно – накрахмаленным бельем. Лишь однажды довелось мне учуять эти нотки свежести – у бабули в Приозерном. Запахи детства...

Терпкий аромат растертого в пальцах смородинового листа... Волглый дух остывшей баньки...

«Да не морочь ты себе голову всеми этими нотками!» – накинулся я на себя в раздражении. И замер.

Тихий вздох донесся ясно и четко. Сглотнув, я медленно перекатил голову по подушке.

Рядом со мной, дразня крутым изгибом, лежала девушка «без ничего», как мы говорили на заре малолетства. Сонная, не раскрывая глаз, она заворочалась, ложась на спину. Лунный свет выбелил хорошенькое личико, протянул тени от высоких грудей, точеных, как опрокинутые чаши. И весьма глубоких посуды – размер четвертый, не иначе...

А мне, как зачарованному, оставалось следить за плоским девичьим животом, что еле заметно надувался и опадал. О, какие ножки...

Я отмер, и медленно-медленно, боясь разбудить «фею моих снов», встал, приятно упираясь босыми ступнями в мягкую дорожку, вязанную из лоскутков, и на цыпочках вышел в прихожку.

Не моя планировка! Не мой дом! Где я?!

Ощущая в самом себе некую странность, я шагнул в малогабаритную ванную. Теснотища какая... Не развернуться.

«Ч-черт... Куда я попал? И когда успел? И как?!»

¹ От англ. chill out – расслабиться.

Нащупав выключатель за узкой дверью, я крепко зажмурил глаза, и шелкнул. Желтоватый свет заполнил крохотное помещенье с чугунной эмалированной ванной справа и крашенным полотеничником слева. А прямо, в большом овальном зеркале, отражался... Не я.

«Вот почему у меня тело не болит, – мелькнуло в опустевшей голове, – оно же не мое...»

На меня глядел высокий, моего роста парень, узкобедрый, но, в отличие от моих статей, широкоплечий и мускулистый. Не бугрящийся мышцами, как Шварценеггер, а просто атлетически сложенный. Вон, грудь какая... Две моих вместятся.

Глянул ниже пояса. Ну, хоть ноги ровные и гладкие, как у меня, чем я втайне гордился. Да и то, что покачивалось между, вполне себе ничегё... Жить можно.

«Кому жить, придурок?» – печально воззвало мое «Я».

Я поднял голову, уставившись на отражение. У того, кто выглядывал из зазеркалья, разлохматились черные жесткие волосы, падавшие на лоб косою челкой. Широковатый нос... Твердого очерка губы... Я ощерился. И зубы ничего так, сойдут для голливудской улыбки... Карие глаза смотрели в упор, не мигая. Мне даже неуютно стало. А вдруг это он и пялится?

«Да кто он?!»

Шмыгнув за соседнюю дверь, я оценил фаянсовые удобства и решил сходить на разведку. Хоть понять, куда меня занесло!

Версии толклись в голове, дико путаясь между собою, но я решительно отмахивался от них. Прежде всего, факты! А уже потом будем их интерпретировать.

Осторожно ступая босиком, я прокрался в соседнюю со спальней комнату, где хозяин устроил себе нечто вроде кабинета. На громоздком письменном столе топорщит рычажки старенькая пишущая машинка; из стены выглядывает квадратная дверца сейфа, а на верхних полках шкафов, набитых книгами, тускло поблескивают кубки. Ага... Самбо! Ого! Боевое! Так-так-так...

Я осторожно присел голой задницей на кожаную обивку стула, и выдвинул ящик стола.

– Угадал... – отпустил я шепоток.

Документы валялись небрежной россыпью, мешаясь с фотографиями, квитанциями и прочим бумажным отсевом. Мои пальцы выудили зеленую книжечку паспорта. Зеленую!

С маленького фото глянуло недавнее отражение.

Марлен Осокин. Тысяча девятьсот тридцать девятого года рождения... Какого-какого?! С ума сойти... Так на улице шестидесятые, что ли? А я сюда каким боком? Что, как этот... попаданец?

– Ну, ты и попал, Тик... – шепнул я.

«Военный билет». Бравый сержант Осокин отслужил три года в погранвойсках. Имеет благодарности от командования.

– Молодец...

На черно-белых фото он же. А вот и девушка. Серьезная, но глаза улыбаются. На обороте снимка шариковой ручкой начертано: «VIII/66 г.» Ниже размашисто черкнуто карандашом: «Алёна», а в самом низу приписано чернилами, бисерно: «Любименькая!»

Могу спорить, что почерк – девичий...

Захотелось помычать, мотая чумной головой. Это все-таки прошлое? Или розыгрыш? Ага... Взяли и перенесли твою тушку в чужой дом, еще и красотку рядом уложили...

Я перебрал ворох газет на столе. «Знамя труда». О, как... «Орган Приозерненского горкома КПСС»...

«К-как? Меня что, в Приозерный занесло?» – одурело покрутив головой, я зашуршал свежим номером – от него тянуло типографской краской.

Когда ж тебя напечатали, орган? Ответ на первой полосе...

В верхнем углу слева четко оттиснулось: «7 апреля 1967 года».

«Я попал...»

Мысли неслись вихрем. Меня даже как будто качало от дикой турбуленции. Думалось обо всем сразу, и вперемешку.

Вернуться? А как? И зачем? Тебе что, реально нравится лживый мир «воровского капитализма»? А что мне здесь делать?! В чужом теле? Но он же тебе помог, Арлен этот... или Марлен! Без него ты бы не отмахался. Ну, да, возможно, что это действительно был он. Но жить чужой жизнью... А у тебя что, своя жизнь была?

– Марик...

Голос прозвучал до того нежно и любовно, что даже моя трусоватая натура не вздрогнула. В дверях, изящно изогнув бедро, стояла давешняя девушка, несколько не тая наготы.

«Шатенка... – мелькнуло у меня. – А я думал – брюнетка...»

Амфорная линия Алёнкиных стройных бедер западала в тоненькую талию, а груди круглились весомо и дерзко. Лобок девушка не брила, но редкие рыжеватые волосики даже вприглядку казались шелковистыми.

– Ты чего не спишь? – она продефилировала, и гибко присела ко мне на коленки, обняла за шею и уложила голову на мое плечо.

– Да вот... – затрудненно вымолвил я, проводя ладонью по узкой спине, вминая пальцы в туготу ягодиц. – Вспомнил тут...

– Думаешь, редактор тебя заругает? – смешливо фыркнула Алёна. – Завтра же выходной! Забыл?²

Касания гладкого и упругого сбивали с мысли, уводя в жаркую блаженную тьму. Я осмелился поцеловать девушку, и она пылко ответила, выдохнув:

– Пошли скорей! А хочешь... Давай, прямо здесь?

Задыхаясь, я легко подхватил Алёну на руки и унес в спальню.

* * *

Проснулся я засветло. Шевельнулся – и ощутил слабую тянущую боль. Муравчики пробежали по всему телу.

«Я вернулся?..»

Да... Вон мое пластиковое окно... И завешано не тюлем, а дурацкими еврожалюзи. Хм... И 1967 год мне приснился? Ага... Чтоб ты еще придумал! Забыл уже, как с Аленкой занимался тем, чего в СССР нет? Три раза, до самого утра...

«Неугомонная...» – мягко улыбнулся я, и меня тут же продрал морозец.

Если всё у нас было по правде, если ты реально угодил в прошлое, то сейчас Алёна – старуха. Время, время...

Погрузиться в философический омут мне не дали ласковые руки, огладившие мои шею и плечи. Я пристыл к дивану, совершенно ошалев, а мне в спину уткнулись две тугие округлости.

«Алёна... здесь?!»

Быстро перекатившись, и вовсе перестал дышать. На меня, игриво улыбаясь, смотрела Марина. Она откинула жаркое одеяло, и прильнула ко мне.

– Милый... милый Тик... – сбивчиво шептала девушка. – Знаешь... Я проснулась под утро – и перепугалась. Вдруг, думаю, всё было сном, вечерней грёзой, и ты вовсе не выходил вчера, не искал меня, не увел от глупых подружек... И мы не гуляли допоздна, и ты не целовал мне шею, да так, что мои ноги слабели, как у школьницы... А потом я открыла глаза – и увидела твою спину. Сама же ее всю исцарапала! И сразу такое счастье...

² Второй выходной (суббота) был введен в СССР в марте 1967 года.

Я не разумею, чье время тянет мою мировую линию, и что за пространство вокруг. Да какая разница! Мы лежали в постели, я и Марина. Вместе! Так близко, как только могут быть мужчина и женщина.

У меня внутри всё сжималось и трепетало от детского или животного восторга. Остановись, мгновенье? О, нет! Пусть оно длится и длится, до бесконечности!

– Ты не представляешь, – выговорил я отрывисто, – как долго я мечтал исцеловать... Шейку? Да, и ее! Всю тебя, от ушек до пяток!

Девушка засмеялась, свободно и заливисто, а затем легла на спину, поджав ноги.

– Постучи! – хихикнула она.

Я сел, и постучал по ладной коленке.

– Войдите! – пискнула Марина, и раздвинула ножки.

* * *

Возлюбленная ускакала в универ, а я еще долго валялся, отходя от чудес последних суток. Моя жизнь завязала хитроумную временную петлю, угодив мне полностью – и через край.

Я медленно встал, глянул на измятые простыни, и засмеялся.

Мир оборотился ко мне своей прекрасной стороной – с влюбленными так бывает.

Напевая, я обошел квартиру, ища отгадки, и нашел их в кабинете. Монитор компа чернел в спящем режиме, а моя рабочая тетрадь лежала, раскрытая на середине. Страница выдавала нервный, но красивый почерк, не чета моему:

«Здравствуй, Игнат.

Меня зовут Марлен. Марлен Осокин. Я из 1967 года. Спасибо тебе! Всегда мечтал попасть в будущее, увидеть, как потомки живут при коммунизме! Я не знаю, как это у тебя получилось... Я вообще ничего не знаю, и не понимаю! Где ты? А я? Я тут навсегда или на время? Если ты читаешь мою записку, значит, второе верней.

Сначала я перепугался, ощутив себя сразу как бы в двух временах, но в драке разошелся, мало соображая, кто бьет, я или ты, или мы оба. И опять вернулся в свой мир. Расстроился страшно, хотя толком не понимал, что побывал в будущем. А потом опять! Вот сиюю и думаю – вернусь или не вернусь? На всякий случай: можешь оставлять записки в сейфе. Код: В141. У Алены свой ключ, она может прочесть, а так нельзя. И объясни, как пользоваться твоей микроЭВМ! Ладно?

Что происходит – тайна. Хочется ее разгадать, но... Потом! Сначала просто насмотреться, пожить хоть денек в XXI веке!

Марлен.

P.S. За Марину прости, на всякий случай. Я как-то ощутил, что она тебе нравится. Но говорить ничего не буду, вообще – все слишком тонко, а пошлости не выношу».

Я медленно закрыл тетрадь. Улыбнулся будущему, улыбнулся прошлому. Я не ведал, что случится сегодня, и произойдет ли вообще что-нибудь? Может, полоса кудес миновала меня, и накатали обычные будни? Ну, и что? Марина обещала прийти сегодня вечером – и остаться до утра понедельника...

«Счастье, стой!» – как восклицала Диана де Бельфлор.

Глава 2

Глава 3.

Вторник, 11 апреля. Утро

Приозерный, улица Горького

«Селезнев П.С.» оказался крепким мужиком в годах, и смотрел на меня с ироничным прищуром, как бы снисходя до моей срамной доли – фотать для «брехунка». Осаживая рефлексии, я потискал ему руку, он торопливо кивнул, докуривая папиросину «Север», и встал со вкопанной скамейки. Дескать, давай, корреспондент, играйся в фотосессию! Мне, вон, по такому случаю, и спецовку новенькую выдали...

– Становиться куда? – лениво вытолкнул Селезнев, щелчком отправляя окурочек в урну.

– Обойдемся, Петр Семенович, – спокойно ответил я, следя за траекторией полета «бычка», – позировать мне не надо. Сейчас же, вроде, вечерняя выпечка?

– Ну... да, – насторожился водитель.

– Так вы грузите хлеб, а на меня не обращайтесь внимания!

Селезнев недоуменно пожал плечами, и натянул черный берет – не отличишь от Папанова в роли Лёлика.

А я расчехлил драгоценный «Киев-10». Камера стоила двести девяносто рэ, чуть ли не три моих зарплаты, и уж как она досталась редакции «Флажка», как ласково именовали «Знамя труда», не ясно.

Снимать я, в общем-то, умел. Хотя и был обделен тем тонким чутьем, что отличало истинных фотохудожников, но иногда получалось очень даже неплохо. За это надо сказать спасибо нашему соседу дяде Виле – научил мелкого меня обращаться с «Зенитом-6».

«Не кривись, – брюзжал он, – все эти ваши электронные мыльницы – полное дерьмо, лишь бы фотки-одноразовки щелкать. «Джипеги»... «пэдэфы»... Да сотрутса они за годы, распадутся на пиксели, а вот нормальные, настоящие фотографии переживут века! Разве что пожелтеют чуток...»

На работе я «щелкал» японским «Никоном», а для души доставал «Зенит». В нем скрывалось нечто изначальное, родственное виниловым дискам. Вот, вроде бы, цифровая запись качественней, но, когда раскручивается «винил», а игла касается звуковой дорожки... Лично меня в этот момент потрясает подлинность грамзаписи – она гораздо человечней бездушных компьютерных программ. Кажется, что исполнители только что напели вживую, для меня одного.

Как-то раз взял с собой великую поклонницу «цифры» – завел ее в фотолабораторию, затеял рутинную магию с проявителем, фиксажем и прочим колдовством. Девчонка пищала от восторга, стоило изображению протаять на фотобумаге – фигуры медленно проступали из ничего, обретая «и плоть, и страсть»...

А иногo в шестьдесят седьмом и нету!

Селезнев, как я и ожидал, преобразился, занятый привычной работой. Он ловко загружал буханками лотки, да относил их к «газону» с будкой, косо отмеченной надписью «ХЛЕБ».

Там я его и подловил – поймал в движении. Петр Семенович как раз примеривался уложить лоток, а тут я. Оживленный, водила расплылся в улыбке – так его пленка и запечатлела.

Заметку я настрочил вечером, а с утра отнес в редакцию, лично в руки Наташке, довольно миловидной машинистке, что печатала со скоростью пулемета.

«Знамя труда» устроилось на втором этаже новостройки, сложенной из силикатного кирпича – его тут все называли «белым». А ниже священнодействовали печатники. Два в одном.

Темноватый коридор тянулся от лестничной площадки до бухгалтерии, а по сторонам хлопали двери в кабинетики и кабинеты. Самый просторный принадлежал главному редактору, Марлену же достался тесный отнорок – бочком мимо шкафа к столу, который не влезал поперек. Зато стул рядом со шелкающей батареей – тепло... А свет из окна падает слева, как положено.

Сядешь – и любишься подлинником, что висит на стене. Пейзаж кисти местного живописца. «Вид на озеро в летний день».

– Осокин! – Зиночка бегло оглядела мою суверенную территорию. – На планерку!

– Есть! – отозвался я с деланной бодростью.

«Только сел... Ладно, пересядешь!»

Кабинет главреда напоминал скучный музей. Вдоль стены – витрины с почетными грамотами, вымпелами и сувенирами, даже кубки в честь спортивных побед затесались. А посередине – типовой длинный стол для заседаний. Перпендикуляром к нему примыкал громоздкий агрегат с полированной столешницей. За нею гордо восседал Иван Трофимыч – лысина блестела ярче полировки – и кивками привечал личный состав.

Завидев меня, он всплеснул розовыми ладонями:

– Ну, Марлен, вы меня удивили!

– Надеюсь, в хорошем смысле? – отодвинув стул, я устроился, выкладывая блокнот и отточенный карандаш.

– Вполне! – заколыхался главред в беззвучном смехе. – Очень, знаете, душевно получилось с этим передовиком... Как бишь его... Селезевым. И заголовок... такой... с юмором. «Везёт людям»!

Ответсек Ергина, напускавшая на себя строгость, вскинула выщипанные бровки.

– Селезев – водитель хлебовозки, – пояснил я.

Зиночка зависла, хлопая накрашенными ресницами, но вот до нее дошла тень смысла – протаяла улыбка, и словно искорки завились в глазах.

Старейший член редколлегии, товарищ Быков, отвечавший за идеологию, повел пышными, прокуренными усами.

– А мне больше понравился абзац о фронтовом прошлом этого передовика, – сказал он весомо. – Человек прошел всю войну, что само по себе – достойная характеристика! Фотография будет?

– Строго обязательно, Алексей Петрович! – пообещал я.

Не знаю, как Марлену, а лично мне Быков несимпатичен. Вальяжный – и прогибистый. Что спустят сверху, то и толкает в массы. При Хрущеве звал всех кукурузу сеять, да с неподдельным комсомольским задором, а досидит до Горбачева, станет перестройку славить.

Планерка, она же летучка, затянулась на добрых полчаса. Товарищ Коняхин долго и нудно обсуждал номер, выбирал картинку ко Дню космонавтики, и раздавал всем задания на ленинскую днюху. Мне достался репортаж о приеме в пионеры.

Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!»

И всё было бы нормально, и мы бы с облегчением разошлись, но тут товарищу Быкову приспичило поклонять самую молоденькую из корреспонденток, Галю Горбункову. И не так она пишет, и не то, и чуть ли не подрывает устои...

Смотрю, у Галки глаза уже слезами набухли.

– Товарищ Быков, – говорю громко и четко, – а вы хоть читали заметки Горбунковой? Весьма, я бы сказал, бойкий репортаж о буднях школы получился. И насчет Дома пионеров... Что вам не нравится? Ничего ругательного в статье нет. Галина ставит вопрос перед руководством района, и правильно делает! Раньше тут жили-были в селе Приозерном, нынче мы в городе прописаны. Церковь снесли, выстроили школу и Дом культуры. И всё на этом? Пионе-

ров у нас хватает, а к чему им руки приложить? Папироски смолить? Пивком баловаться? Или, может, макулатуру собирать на досуге? У комсомольцев хоть танцульки есть...

– Это... просипел Быков, и визгливо выкрикнул: – Это инсинуации!

– Это всего лишь правда, Алексей Петрович, – мягко сказал я. – Знаете, как нашу газету в народе зовут?

– «Флажок»? – робко предположила Зина.

– «Брехунок»! – мой голос прозвучал резко, как пощечина. – Так не пора ли вернуть людское доверие? Нет, я не имею в виду лить помой на советскую действительность, а всего лишь не лакировать ее! Вон, посмотрите, какая очередь с утра выстраивается к киоску «Союзпечати»! Гонцы с молочного завода, с сахарного, с автобазы закупают «Литературку», «Неделю», «Комсомолку», даже «Гудок». А наш «Флажок» не берут! Да и что там читать, кроме программы передач? «Кирпичи» на всю полосу? Так их можно отдельно продавать тем, кто страдает от бессоницы – уснут на втором абзаце!

– Это... Это переходит всякие границы, товарищ Осокин, – глухо выцедил Быков. С каменным лицом собрав бумаги, он покинул кабинет.

– Что ж вы так-то... – с укором промямлил Коняхин, платком промакивая лысину. – Обидели товарищей...

Я посмотрел на сиявшую Горбункову, на малость ошалевшую Ергину, на раскрасневшуюся от праведного гнева Татьяну Лысых, отработывавшую соцкультбыт в водянистых «лонгридах».

– Иван Трофимович, но ведь я прав! К тому же сказанное в полной мере относится и ко мне самому. Надо писать лучше!

Напряженную атмосферу разрядил наш фотограф Коля, белобрысое существо в сильнейших очках. Он вошел бочком, смущенно зарделся, и выложил на стол свежие снимки.

– Ага! – облегченно крякнул главред. – Слу-ушайте... А ведь здорово вышло!

Лысых потянулась к фотографиям, но Ергина перехватила верхнюю, с Селезевым. Водитель непринужденно улыбался с глянцевого бумажки. Держа в руках полный лоток, он не застыл, потея и стесняясь, а глядел весело, но с достоинством, и даже с тайной гордостью.

Я и сам малость загордился. Поймал-таки момент энтазиса!

Коняхин шумно выдохнул, и сказал, набавляя в голос строгости:

– За работу, товарищи!

Вечер того же дня

Приозерный, улица Ленина

Я вернулся «домой» пораньше, пользуясь тем, что день у меня ненормированный, и затеял что-то среднее между генеральной уборкой и обыском. Марлен не мог выложить мне все свои секретки, мы просто не помним о мелочах, настолько они сливаются с плоскостью буден.

Ну, со спальней и кухней я разобрался по-быстрому, а вот в «зале» пришлось повозиться. Если честно, то моей боязливой натуре смутно было, вот и схватился за веник со шваброй – когда выметаешь мусор или натираешь паркет, переживать некогда.

Может, я и зря выступил на планерке, и надо было скромно отсидеться, пока наш бесталаннейший идеолог в дерьмо Галку макал...

«Ну, не шмог!»

Забавно, что внимание и жалость я обычно проявляю к хорошеньким девушкам – мне так приятнее. А у Галины фигурка тонкая, хрупкая, как у Твигги, да и личико, хоть и свежее, но простенькое. А я все равно вступился.

Полредакции на свою сторону переманил. Даже Алик мне уважение оказал, а Колян, неравнодушный к Горбунковой, долго тряс мою руку. Всё так, но врага я себе нажил... Ну, пусть волнуется кровь.

Зато Колька расстарается, когда я ему кассету с фотопленкой занесу – он здесь бог фотолаборатории, и творит чудеса с проявителями и закрепителями. Умеет человек...

Выдвинув самый нижний ящик румынской «стенки», я с изумлением обнаружил невзрачную картонную коробку, а в ней – электрическую машинку для стрижки. Проводную, конечно, увесистую – и абсолютно новую. Включай в розетку – и стриги!

Я включил. Машинка в руке завибрировала, жужжа сердитым шмелем. А моя «Ровента» осталась далеко-далеко... Тоже, ведь, кое-что умею.

Это, наверное, от деда передалось. Старый всегда сам меня стриг, часто клацая механической машинкой. Под «канадку».

Первой жертвой моего парикмахерского хобби стала Ритка, соседка по парте. Во втором классе еще. Обкорнал я ее знатно, мне влетело, а вот девчонкам понравились мои опыты. В старших классах, и даже на выпускной, девушки стриглись только у меня – я же не деньгами брал, а поцелуями. Двадцать раз в губы за «каре» или «гарсон». А в институте цена выросла...

Да, вуз... Выучился, зачем-то, на журфаке, хотя мог устроиться дамским мастером. А что? Вон, некоторые рыцари ножниц и расчески даже в селебы вышли. Накачали губы в куриную гузку: «Звезда в шоке!»

Тихонечко залязгал ключ в замке, и входная отворилась.

– Ой, ты дома? – донесся оживленный голос Аленки. – А я думала, приду пораньше, приготовлю что-нибудь...

– А ты где это пропадала? – суровым тоном осведомился я, опершись на швабру.

– Ревнуешь? – мурлыкнула девушка, проходя в зал. – О, как чисто!

– Ты мне тут зубки не заговаривай...

Алена рассмеялась, и от души поцеловала меня.

– В командировке я была, в Липецке. Я разве не говорила?

– Не-а, – я с удовольствием обнял девушку. Так сочетать красоту и невинность, как она, умели только в этом времени. – Алён... – мои пальцы тронули пряди волос, не знавших ни перекиси, ни красок. – Что у тебя за прическа?

– Ну, здравствуйте! – воскликнула подруга, распуская уродливый моток волос. – «Бабетта»!

Я молчал, перебирая девичьи волосы, прямые и длинные. И лицо у Аленки – вытянутый овал...

– «Бабетта» – отстой! – в ответ на мое авторитетное заявление девичьи бровки вскинулись изумленным «домиком». – Давай, я сделаю тебе по-настоящему модную прическу? До такой еще и в Москве не дошли...

– Ты?!

– Я, – моя улыбка немного успокоила Алену. – Да не бойся, опыт есть. Я просто... м-м... стеснялся тебе рассказывать о хобби. Ну, одни любят рыбалку или носки вязать, а мне нравится делать красивые стрижки...

– А...

Я чмокнул девушку в губы, снимая вопрос.

– У тебя замечательные волосы, всё выйдет и-де-аль-но! – зажурчал я, и велел: – Ступай, помою голову.

– Слушаюсь, – вздохнула Алена.

Видимо, властное превосходство в моем голосе звучало достаточно уверенно – Алена вскоре заняла стул, оглаживая мокрые «сосульки», а я не пожалел простыни, укутав милую клиентку.

– Ты, главное, никому не рассказывай про мои таланты, – болтал я, собирая инструмент, – а то набегут желающие...

– А зеркало? – жалобно воззвала девушка.

– Я вместо него, – издал я ворчание, и щелкнул ножницами. Благо, нашлись острейшие...

– Хоть как называется твоя модная прическа? – забурчала Алена.

– Сэссун.

– Сосун?

– Не хихикай тут! Расхихикалась... «Сэ», а не «со». Сэс-сун.

«Так... Сосредоточиться... Отрешиться от земного...»

Прическу, изобретенную Видалом Сэссун, далеко не всякий парикмахер осилит. Здесь же не просто пряди срезаешь под углом, а кропотливо и точно, буквально миллиметр за миллиметром, формируешь эффект подкручивания внутрь. Стрижка очень проста в уходе – помыла, причесала, и пленяй! Но попробуй, создай сей куафёрский шедевр!

Я основательно прочесал Аленкины волосы, от макушки во все стороны. Разделил шевелюру на две равные части, а те локоны, что не использовались, подколол зажимами. Выбрал центральную прядь, обрезал без оттяжки... Все срезы поперядно, слой за слоем... Окантовочка... Готово!

С удовольствием потянувшись, я удивился – за окнами стемнело.

– Всё, Аленка! – жестом фокусника я снял простыню.

– Ну, ну... – недоверчиво затянула девушка.

Зажмурив глаза, она ломким шагом прошла в прихожую, включила свет, и лишь затем повернулась к трюмо. И замерла.

Девушка стояла долго, приоткрыв губки в изумленном молчании.

– Это я? – пролепетала она.

– Ага! – с величайшим удовольствием подтвердил я.

– Ма-арик... Это же... Это же просто чудо какое-то... Марик!

Радостно взвизгнув, Алена ворвалась в зал и набросилась на меня, пища и целуя.

– Пошли скорей! – внезапно потребовала она.

– Куда? – улыбнулся я, догадываясь.

– Туда! – девушка махнула рукой в сторону спальни.

– Зачем?

– Ну, я же должна сказать тебе спасибо! – воскликнула Алена, обворожительно лучась. – Большущее-пребольшущее!

Алена схватила меня за руку, и увела.

Четверг, 14 апреля 2023 года. День

Москва, Ленинградский проспект

Встретиться с Большаковым он договорился на три, а «Шоколадница» вполне подходила для randevu. Тихо, тепло, приватно...

Марлен занял столик у окна, а вскоре за огромным витринным стеклом замаячил автор – высокий, сухощавый мужчина молодежявого обличья.

Осокин поднялся, встречая, и Большаков, улыбнувшись уголком рта, протянул руку:

– Валерий. Этого достаточно.

– Очень приятно. Ма... К-хм! Игнат. Закажете?

– Да можно... С чаем чего-нибудь.

Улыбчивая официантка подала Валерию пузатенький чайничек и ром-бабу, а перед Марленом выставила тирамису под кофе.

– Начнем? – нервно усмехнулся пришелец из прошлого.

– Пытайте!

Хлебнув капутино для храбрости, Осокин заговорил, тщательно подбирая слова:

– Как я посмотрю, вы делаете упор на перемещения во времени? На попаданцев?

– Люблю эту тему, – кивнул Большаков, кусая и прихлебывая. – Космос мне тоже нравится, но... Слишком много американщины. Сплошь и рядом герои-одиночки, «в крови и сперме по колено». Звездные войны, императоры всякие... Да ну их. Нашел для себя недавно отдушину – старую советскую фантастику, но достать ее – проблема. Приходится писать самому!

Марлену не терпелось перейти к сути дела, но у интервью свой формат. Посматривая на жующего визави, он задал ожидаемый вопрос:

– Слышал, что многие причисляют фантастику к бросовой литературе, к тупому развлечению...

– А вся литература – развлекательная! – улыбнулся писатель. – Просто люди – разные. Одних развлекает манга, а других – Достоевский. Знаете... Всякая удобоваримая книга замешана на человеческой психологии. Просто так называемый реализм исследует человека в обычных ситуациях. Ну, там, человек на войне... Человек в любви... Понимаете? А фантастика оперирует положениями необычайными! Человек в контакте с инопланетянами... Или человек, попавший в прошлое.

– Или в будущее, – кивнул Марлен, думая о своем.

– Совершенно верно. И вот как наш современник поведет себя, встретив гуманоида или, скажем, генсека ЦК КПСС? Интересно же, верно? Мне пеняют порой, что вот, мол, суете наших в античность! Разве нельзя писать о реальных римлянах или эллинах? Можно, почему нельзя... Только вот читателя будет раздражать тогдашняя психология. Люди были иными! Вокруг того же римлянина реяли незримые боги, целые батальоны божеств! Существовал бог дома, и бог двери, бог порога, бог форточки, даже, извините, бог туалета! И человеку в тоге нужно было учесть все их прихоти. Зато, правда, можно было и отлупить божка, ежели тот, приняв жертву, не исполнял желание.

– Как-то... м-м... инфантильно, – улыбнулся Осокин.

– Детство человечества! – пожал плечами Валерий, смакуя кусочек с помадкой.

– А вот... – Марлен закрутил кистью. – Не знаю даже, с чего начать... М-м... Как-то, знаете, сам собою возник сюжет... Только писать не буду, «художка» – не мое! М-м... Вот, представьте себе. Нашего современника подкараулили, чтобы отметить, а он неожиданно ощущает в себе иное сознание. Сознание человека, знающего толк в драке. Наш отбивается, идет домой – и спать. Уж больно велик шок. Да, а за дракой следили девушки, причем в одну из них он влюблен... Мнэ-э... Ну, назовем его Полуэкт. И вот...

Осокин в подробностях изложил собственную историю.

– Интересно... – медленно выговорил Большаков, загораюсь. – Очень интересно...

– А вот, что бы вы сделали на месте того же Полуэкта и его... м-м... ведомого? Я имею в виду, что бы написали?

– Знаете... – затанул писатель. – Рокировка во времени – это, конечно, занятно. Но лично меня захватил иной вопрос: а почему именно Полуэкт и его... напарник, что ли? Я не спрашиваю, каким образом, Сущность там постаралась, или Институт Времени, не важно. Важен выбор именно этих двоих. Осознанный он или случайный – это, опять-таки, вторично. Но почему они? Может, их что-нибудь связывает? Ну, не знаю... Я бы поискал некий единый параметр!

– А какой? – Осокин навалился грудью на стол, жадно лова слова.

Большаков покусал губу, рассеянно глядя на улицу.

– Ну, вот представьте себе... – вымолвил он. – Тот, кто «прописан» в прошлом, срезает у себя клочок волос, запечатывает его... Ну, скажем, в баночку от диафильма, потом в пакет, пакет

засовывает в жестяную банку, и эту «капсулу времени» прячет где-нибудь в Москве. Скажем, на чердаке. А Полуэкт заранее оставляет ему записку, какой дом уцелел с шестидесятых. И находит этот «клад»! И сдает на анализ ДНК! И обнаруживает, что они – братья!

– Ух, ты... – растерялся Марлен.

– Здорово, правда? – ухмыльнулся Валерий. – Ну, это под конец, а для начала можно и родителями поинтересоваться, бабушками с дедушками... Правда... Хм. Не знаю, Игнат, куда такой сюжет вывезет, и что будет в финале... Но мне он по душе! Послушайте... Вы сказали, что не собираетесь писать. А подарите сюжет мне!

– Дарю! – засмеялся Осокин, и крепко пожал протянутую руку. – Может, еще по одной?

– Чайку поесть? – ухмыльнулся Большаков, и глянул на телефон. – Ну, в принципе, рано еще... А давайте! У меня самолет поздно вечером, – откинувшись на спинку, он мечтательно затянул: – Назову роман «Бро»...

Глава 3

Глава 4.

*Пятница, 15 апреля. Вечер
Приозерный, улица Ленина*

Алена Зимина жила с мамой на углу Профсоюзной и Гоголя, ходила в смену на АТС, а у меня... то есть, у Марлена, ночевала раза два или три в неделю. Разумеется, будущая теща товарища Осокина регулярно ныла на тему «Хочу внуков!», а его вероятная супруга вела разъяснительную работу.

Дескать, встречаться и заводить семью – вещи разные. Успею я еще нанянькаться, хлебну материнского счастья. Пока же твоей дочери всего двадцать два! Ей погулять хочется, и вообще...

В общем, сегодня я сплю один. А томный вечер – самое подходящее время для раздумий. В том числе, тяжелых.

Неделя скоро, как я тут. В первый день, помню, рвался назад, к Марине, к Интернету, к имбирному рафу, а нынче угомонился. Конечно, скучаю. Бывает, тоскую. Но здешнее время ласково баюкает меня, приучая к реалу образца 67-го года. И я помаленьку привыкаю...

А вот тайны не оставляют меня в покое, зудят и зудят, как надоедливые мухи. Вот, например, временной поток, в который я окунулся здесь... Он тот же самый, что плескал в будущем? Назовем его первым или базовым. Вроде бы, тот же... Я как рассуждал?

Если бы, скажем, мою тушку забросило в прошлое с помощью какой-нибудь хронокамеры, то это обязательно скорректирует реальность – и от базового ответится второй временной поток. Но ведь в тутошнем мире ничего не поменялось – никаких перемещений тел, никаких двойников! Следовательно, и парадоксов – йок. Подумаешь, сознание переместилось, душа перелетная...

Впрочем, меня сей въедливый вопрос занимал мало. Больше всего я терзался другим. Почему я? И причем тут Марлен? Понятно, что мое «Я» угодило в его несчастную башку, но почему?! Чем его башка отличается, скажем, от лысой головешки Коняхина? В чем тут секрет?

Может, существует-таки некое пересечение наших с Марленом судеб? На лицо мы с ним как инь-янь. Он – темный, а я – светлый. И отцы у нас разные. Марлен – Денисович, а я – Евгеньевич.

Правда, Аленка упомянула интересную деталь: ее «Марик» рос без отца, как и я. Более того, мать Марлена умерла или погибла, когда сыну едва исполнилось четыре годика. Было это в сорок третьем.

Но и моя мама скончалась в девяносто восьмом, не дожив до моего четвертого дня рождения! Совпадение? Или след?

И я безотцовщина, и Марлен... И его, и меня воспитывали дед с бабой. Кста-ати...

– Вот же ж дурак... – поразился я.

Старики, у которых жил Осокин, оба померли. Но мои-то живы! И прописаны они на той же улице, что и Марлен. Только здесь Центр, хватает домов в два этажа, полно цивилизации, даже настоящий небоскреб торчит – кирпичная пятиэтажка, а дед Семен с бабой Аней живут в Заречье, где сплошь частный сектор. Огороды, коровы, пустобрехи на привязи...

«Схожу!» – решил я, упруго вставая – и различая место, куда я со своей уборкой не добрался. На пыльном верху «стенки» вспухал толстый фотоальбом. Ага...

У меня даже пульс участился.

– Сейча-ас... – пропел я, доставая хранилище фамильных тайн. – Сейча-ас...
Смахнув пыль, перекинул скрипучую обложку.

– Порнография...

Голозастый Марлен беззубо улыбается в разных позах, или тарашится, чмокая соской.
Дед да баба, понятно. Мои точно так же позировали – аж замерли от испуга. Деревня...
Я перелистнул картонную страницу, и замер, офигевая. Со старой фотокарточки улыба-
лась моя мама...

– Да нет же! – охнул я. – Ну, вот! Вот!

Внизу снимка вились белые цифры: «1938 г.» А на обороте: «Дениске на память! Лида».
Мою Аллой звали...

Но лицо мамино! Глаза, нос, губы! Вон, даже родинка на щеке! И улыбка...
Решительно захлопнув альбом, я вышел из дома.

* * *

В будущем до Заречья станут ходить маршрутки, а пока – ножками. Хоть Приозерный и числится городом, но больше смахивает на поселок, каких тысячи по стране.

Ближе к речке улицу Ленина обступили аккуратные домики из «белого» кирпича, вперемежку с красным – фасады походили на рушники, вышитые оранжевым узором.

А за мостом прямая «городская артерия» заметалась будто, заюлила, зигзагом стелясь по застройке вразброс. Сузилась улица, словно сжалась, стесняясь голого вида – асфальт за мостом как обрезало. Рядом с бывшим сельпо дорога вздыбилась, забираясь на горку, и мне открылся голубой озерный простор.

Величиной водоем не поражал, лесополоса на том берегу виднелась четко, но местечко хорошее. Пляжей не водилось – песок до самой волны зарос травой, но скупнуться или позагорать – милое дело. Хоть все лето не вылезай.

И рыба водилась – сазаны, щучки... Ну, это если денька два подкармливать живность.

А вот и дедушкин дом... Веранда в мелкую расстекловку... Горбатая крыша, яблони в саду...

Я даже замедлил шаг. Деду Семену сейчас сколько? За сорок, наверное. Баба Аня и вовсе молодая, а моей маме годика три...

Слыша, как колотится сердце, я приблизился к калитке. Та самая! Кованая, с неуклюжими виньетками из крученого прутка. По двору ходила немолодая женщина, неся в обеих руках сито, полное яиц. Завидев меня, она подплыла к забору.

– Ищите кого? – спросила напевно.

– А Вагины здесь проживают? – мое нутро учуяло неприятный холодок и набегавшую растерянность.

– Вагины? – удивилась хозяйка.

– Семен и Анна Вагины, – растолковал я, – у них еще дочка маленькая, Алла!

– Не-е... – в голосе птичницы звучала спокойная уверенность. – Мы тут живем, Дорофеевы, лет уж двадцать, как. А Вагины... Не-е, не слыхала про таковых.

– А... Ну, извините...

Обратно я шагал, поминутно оглядываясь, будто ожидая, что вот-вот окликнет дед или баба. Нет, тихо. И пусто.

Но ведь дом – тот самый! В войну все Заречье сгорело напрочь, в золу, а дед Семен, гвардии старшина, лишь только с фронта вернулся, своими руками и стены ладил, и крышу! Что за...

«Может, все-таки, тут иной временной поток? Или... как ее... другая мировая линия? Черте что, и с боку бантик...»

*Понедельник, 18 апреля. Утро
Приозерный, улица Горького*

Аленка переночевала у меня в ночь на субботу. Выспаться не дала, зато уняла тревоги. И без того страстная, позавчера девушка отдавалась с темпераментом маленького вулканчика, а в перерывах ласкалась и болтала без умолку. Как ее прическе все завидуют, и как девчонки на работе пытали, в какой парикмахерской являют этакое чудо, и до чего ж она красивая стала с этим «сосуном»...

Вот, не верю, что девичий щебет донимал меня просто так! Алена – умница и настоящий технарш. Это я в панику впадал, стоило моему «Рено» заглохнуть, а мадмуазель Зимина сказала бы: «Так. Спокойно! Ща разберемся...»

И в ту субботнюю ночевку она, надо полагать, оказывала мне скорую психологическую помощь. Молодчинка...

Право, я даже смущался немного. Нельзя мужчине проявлять свои слабости, но, видать, феминизация XXI века задела и мою натуру. Когда вернусь в будущее... Если вернусь, то обязательно разорюсь на абонемент в тренажерный зал. В здоровом теле – здоровый дух!

Быстренько сварганив яичницу, позавтракал, выхлебал целую кружку кофе со сгущенкой местного производства, и двинул на работу. Лишь на скрипучей деревянной лестнице я вспомнил, что сегодня ровно неделя моего пребывания на излете «оттепели». Первая неделя...

* * *

Редакция встретила меня сдержанным гулом – линотиписты набирали тексты, складывая отливки, а газетчики беспокойно жужжали, будто пчелы, углядевшие медведя.

Не успел я отпереть кабинет, как из «девичьей» выскочила Галка.

– Слышал? – округлила она глаза. – Опять власть меняется... К нам из райкома едут!

– Пушай едут, – легкомысленно откликнулся я, пряча ключ в задний карман. – Встретим цветами...

– Ты не понял! – обрадовалась Горбункова моему наиву. – Едет первый секретарь! И... Помнишь, как осенью комиссия из области нагрязнула? Коняхин тогда быстренько оформил больничный. Пересидел! Так он и сегодня «мнимый больной». И кто его, по-твоему, замещает?

– Товарищ Быков... – протянул я.

– Именно! – горестно выдохнула девушка.

Тут же из приемной показалась Ергина, весьма всклоченный ответсек.

– На планерку! – нервно обронила она, удаляясь. – Где все? Опять курят? Всю редакцию уже закоптили!

– Ох... – поникла Галка.

– Фигня! – отмахнулся я. – Не обращай внимания и следуй завету старика Аврелия: делай, что должна! Будет, что суждено.

Обождая, пока в кабинет ВРИО главреда грузно забежит Лысых, я предстал в поле зрения Алексея Петровича.

Быков плоховато скрывал довольство – усы его воинственно топорщились, а в глазах пылал мрачный огонь воздаяния.

«Ну-ну...»

«Временный» еле дождался, пока рассядется коллектив, до того его распирало нетерпение. Вон как пальцы поджимает... Словно закогтить жаждет.

– Переделать! – метнуло начальство мою распечатку.

Два листка, зажатые скрепкой, скользнули по столу ко мне. Я неторопливо глянул. Моя записка ко Дню рождения Ленина – как принимали в пионеры.

Ну, галстуки ребятам и девочкам повяжут в субботу, но описать их чувства можно и загодя. Вон, какая замечательная фотка получилась! Хорошенькая Катя Воронина еще не пионерка, хоть и снялась в белой рубашечке и синей юбке. И пилотка – кокетливо на бочок. Красный галстук ей повязала старшая пионервожатая – временно, для съемки, но до чего ж счастливая мордашка у Катюшки! Сияет просто! Сам подивился, как черно-белая картинка способна испускать столько внутреннего света.

– А что вам не нравится? – спокойно поинтересовался я. – Нормальный текст. И на редкость удачное фото.

– Я сказал – переделать! – повысил Быков лязгающий голос.

– Ладно, – мой ответ звучал по-прежнему спокойно. – Я могу идти?

– Я вас не задерживаю!

ВРИО тут же выверился на мою ироничную улыбку, но я уже шагал к дверям, не забыв подмигнуть испуганной Галинке. Разумеется, ничего переделывать я даже не собирался. Чай, «Флажок» – не единственная газета.

Пока искал пакет, пока надписывал адрес, летучка кончилась, и корреспонденты упорхнули, вдохновленные начальственными ЦУ. В мой закуток протиснулись сразу двое, Зина и Галя.

– Что будешь делать? – серьезно спросила Ергина.

– Уже, – улыбнулся я. – Отправлю почтой в «Комсомольскую правду».

– И правильно! – пылко воскликнула Горбункова.

– Может, в районку сначала? – засомневалась Зиночка. – Ну, или в областную?

– Не, – ухмыльнулся я, – мне «Комсомолка» больше нравится, хоть есть, чего почитать. А не примут, и не надо. Переживу!

Ободряюще улыбнувшись девушкам, я покинул редакцию, не подозревая даже, что тем самым приблизил целую череду событий.

* * *

На почте я пробыл недолго. Торжественно передал распаренной тетке мой пакет, оклеенный марками, получил квитанцию, и вышел налегке.

Первого секретаря ожидали ближе к обеду, да и что мне этот функционер? Пусть Быков потеет...

Выйдя на улицу, я даже глянул вдоль двух рядов домов, плавно спускавшихся к озеру. Вон там, справа, выглядывает шпиль лодочной станции, а утренний блеск воды рассекают байдарочники. Теплынь сегодня, но купаться... Нет уж, я не настолько морж...

И лишь теперь мне удалось различить запах, что обеспокоил меня. Накатывало гарью. Я повертел головой. Моим вниманием завладел дом наискосок – старый, в два этажа, обшитый вагонкой до самой крыши, уложенной шифером цвета осинового гнезда. Входные двери обрамлялись изрядным набором вывесок – там и заготконтора пристроилась, и горono, и еще какие-то оплоты бюрократии. Одна из створок – нараспашку, и зловещие сизые ленты медленно струились, вивясь и разрываясь.

Со звоном и дребезгом разлетелось окно на втором, вынесенное стулом, и отчаянный крик ударил по нервам:

– Помогите! Гори-им!

Соседнее окно лопнуло само – от жара, и наружу вырвалось целое полотнище огня.

– Пожар! Пожар! – заголосили почтовые работницы, толпясь на крылечке.

– Звоните «ноль один»! – рявкнул я на них. – Живо!

И бросился прямо в клубящийся дым. Он зверски щипал глаза, от чада першило в горле, а в голове прыгали строчки Маршака: «Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы в нашей столице...»

А то как же! Герой, все-таки...

Матерясь, я вломился в контору на первом этаже, где с визгом метались женщины, потеряв себя.

– Тихо! – гаркнул я. – На выход! Все!

– Тут документы...

– Да и хрен с ними, с документами!

Найдя, что искал – графин с водой, я намочил платок и кое-как увязал его, прикрыв рот. А глаза? Ничего, плакать полезно...

Ломанувшись на второй этаж со стулом наперевес, я вышиб окно на лестничной площадке – пусть хоть дым уйдет. Невозможно же! А со второго этажа на меня так дохнуло пламенем, что я даже присел – палящий накал был нестерпим.

– Твою ж ма-ать...

Прикрываясь локтем, я поднялся, и боком отворил дверь, натягивая на голову куртку. В дыму ничего не разглядеть, сквозь слезы отпечаталась чья-то тень – девушка стояла на четвереньках, кашляя и одурело мотая головой.

Я подхватил ее, и вытолкнул на лестницу.

– Вниз! Вниз!

– Там Лидия... – прохрипела девица. – Николаевна...

– Вниз!

Лидию Николаевну я отыскал на ощупь. Да что там – споткнулся о женское тело. Ничего, так, тело – крепкое, спортивное, хоть и не юное. Зато размер – четвертый, как минимум...

Занятый дурацкими мыслями, я поволок женщину к выходу, и тут меня едва не свалила дурнота – надышался всякого угара. Паника овладела мной, как огонь – иссохшими досками. Вокруг невыносимое пекло, а душу леденит ужас – я же здесь сдохну!

И вот именно тогда мне довелось ощутить мелкую гордость за себя – я не бросил Лидию Николаевну, спасая свою паленую тушку, а вцепился в женщину, как в родную, и потащил – мыча, жмурясь, ногой нащупывая дымящиеся доски.

За спиной с грохотом рухнули балки, и вихрь злых, больно жаливших искр ударил в спину, а я лишь вжимал голову в плечи, да сипел в сухой платок: «Ни хрена... Ни хрена...»

В голове мутилось от дыма и ревущего ада, я буквально вывалился в подъезд. Чувствую, как меня лапают сильные руки, как отбирают женщину, а я вцепился в нее, и ни в какую.

– Лида! – пробился сквозь серую мглу отчаянный крик. – Лидочка!

Я едва разглядел пожилого мужчину в черном костюме, с безумными глазами и трясущимися губами.

– Она? – еле вытолкнул я, уворачиваясь от деловитых пожарников, раскручивавших шланги.

– Лидочка! – возликовал человек в черном, и отнял у меня свое сокровище.

А я скинул тлевшую куртку, сорвал платок, и зашагал, нетвердо ступая. Мыслей – ни одной. Вообще. Просто иду – и дышу. Свежий воздух врывается в легкие, и муть покидала извилины.

Тут я углядел струю воды, пробившуюся из дырки в брезентовом шланге, и смысл копоть с лица. До левой щеки было больно дотрагиваться, да и руки я обжог.

– Молодой человек, молодой человек! – вокруг меня забегал пожилой доктор, смахивающий на Айболита. – Сюда, сюда... Леночка!

Вдвоем с медсестричкой они измазали мне пол-лица чем-то пахучим и жирным, подлечили руки. Я лишь тупо кивал – вслед за мыслями меня и силы покинули.

Краем глаза заметив суетившуюся Галку, машинально кивнул ей, и побрел домой. Забиться в нору, и отлежаться. Забыться...

*Тот же день, позже
Приозерный, улица Ленина*

Продышался... Если не гримасничать, щека не давала о себе знать. Да и руки... Ладони не пострадали. Так что не залег я, а засел.

За кухонный стол. И навернул, что бог в Аленкиной ипостаси послал. Силы помаленьку притекали, тонус молодого организма повышался. Голова, правда, раскалывалась, но это пройдет.

«Легко отделался, герой...»

Сейчас я не ощущал ничего особенного, кроме чувства сытости. Даже удовлетворения не испытал. Хотя... Я сдержанно улыбнулся, боясь побеспокоить обожженную щеку.

Как тот мужик обрадовался, обретя свою ненаглядную! Хоть бы жива осталась... Да нет, шевелилась вроде, стонала... Вот, тоже, натерпелась. Сгореть – не лучшая из смертей...

Покряхтывая, я перебазировался на диван – и выдохнул. Хорошо... Так бы и сидел. Незаметно задремав, проснулся от пронзительного звонка в дверь.

«Кого там принесло?»

Встряхнувшись, я поморщился – саднило. Часы показывали три. Ничего себе... Сиеста удалась.

Тяжело ступая, вышел в тесную прихожку, и открыл дверь.

«О-па!»

За порогом стояла Лидия Николаевна. Длинные рукава модного кардигана скрывали повязки, а обгоревшие волосы прятались под неизящной панамой. Брови с ресницами тоже пострадали, но тут помогли темные очки.

– Да, выгляжу ужасно! – зазвенел голос спасенной. – Сама знаю! А что делать? Ой, простите меня, ради бога! Говорю, что попало...

– Да вы проходите, – улыбнулся я. – Рад, что с вами всё в порядке...

– Если бы всё... – искренне вздохнула женщина. – Ох, опять я про себя! Вы... – из-под солнцезащитных очков блеснула слеза. – Ох...

– Это нормально, – мой голос смягчился. – Я сегодня тоже наревелся, дым все глаза выел!

– Спасибо вам огромное... Марлен, – с чувством вытолкнула Лидия Николаевна. – Если бы не вы, меня бы схоронили на этой неделе!

– Не скажу, что не за что, – улыбнулся я. – А откуда вы меня знаете?

– Да там одна журналисточка... Так вас расписала! Мы с Кимом, вообще-то, планировали навестить вас вдвоем, но у него срочное совещание в горкоме...

– А-а! – осенило меня. – Так ваш муж – первый секретарь?

– Да-а, – с удовольствием подтвердила гостья. – Ким Вадимович Теплицкий! Он обещал скоро подъехать...

– Так... – задумался я. – А чем же угостить товарища Теплицкого? Сейчас, пороюсь в холодильнике...

– Ой, нет-нет, Марлен! – всполошилась Теплицкая. – Мы с Кимом просто так! Он вам очень, очень благодарен, и хочет... Ну... Как-то конвертировать свое «спасибо»...

– Лидия Николаевна... – начал я с ироничной улыбкой.

– Ой, только без «Николавы»! Отчество меня угнетает, намекая на возраст, а осенью – сорок пять!

– Лида – ягодка опять! – ухмыльнулся я. – Ладно, если Ким Вадимович проголодается, сварим пельмени. Лидия... Снимите-ка панамку.

Женщина слегка нахмурилась, но послушно, хотя и неохотно стянула ужасный головной убор. Поморщилась, и сняла очки, моргая покрасневшими веками, оставшихся без опуши ресниц.

– Реснички отрастут, – успокоил я Лидию, – а волосы... – мои пальцы перебрали «подгоревшие» локоны. – Хм... Да все не так плохо, как я думал. Давайте-ка, я вам заделаю другую причёсочку!

Женские глаза, расширенные от моего нахальства, увеличились еще больше.

– Вы что, парикмахер?

– Визажист! – усмехнулся я. – Намочите волосы... Или мне помочь?

– Сама как-нибудь... – пробурчала Теплицкая, скрываясь в ванной. – А полотенцем каким?

– Любим! – я кровожадно щелкнул ножницами. – Всё стиральное...

Женщина вернулась, оставив кардиган на вешалке. Ее руки до локтей заматывали бинты с проступавшей мазью, а батничек с кружевами не слишком удерживал груди – приятные округлости увесисто поднимались и опускались при каждом шаге.

– Больно? – спросил я сочувственно, маскируя свой интерес.

– А-а! – махнула рукой Лидия Николаевна. – Стригите! Хуже уже не будет.

Подвинув стул, женщина уселась, и я расчесал уцелевшие пряди.

– «Бабетту», небось, накручивали?

– Ну, да!

– И что вы в ней нашли... Так. Волосы у вас прямые, густые... И лицо вполне себе молодое... – при этих словах Лидия заерзала, но смолчала. – Сделаем вам «каре»... Короткое, до подбородка. Лоб высокий, ага... Значит, с челкой.

Женщина только глазами хлопала.

Я расчесал волосы на две части, от уха до уха, а затем разделил передние пряди по пробору. Оставив тонкий свободный слой на затылке, выбрал «контрольную» прядь и остриг до нужной длины. Тут главное, чтобы каждый последующий слой был длиннее предыдущего – для пушечего объема.

Пальцам было больновато стричь, но ничего, потерплю как-нибудь. Я иногда даже ухмылялся уголком рта – чтобы губы растягивались на здоровую сторону. Было смешно наблюдать за Лидией – ей порой становилось невольно молчать, но она терпела.

– Стрижка стильная, – весомо заговорил я, нарушая молчание, – только смотрите, ее надо регулярно обновлять и каждый день укладывать...

– Справлюсь, – буркнула женщина. – Долго еще?

– Сейчас... С филировочкой закончу, и... Так... Ага... – я внимательно оглядел причёску, делая вид, что не замечаю молний, бьющих из глаз Теплицкой. – Ну, всё. Зеркало в прихожей...

Женщина рванула с места, а я, прислонясь к косяку, расслабленно наблюдал за нею. Сначала Лидия застыла, затем повернулась боком. Другим боком... Снова уставилась на себя – и блаженная улыбка закачалась на изгибе губ.

– Да вы волшебник, Марлен! – радостно воскликнула женщина. – Нет, ну ты посмотри! Как будто и не я! Не-ет... Да чтоб я... еще хоть раз... эту «Бабетту»... О-о! – в порыве она притиснула меня, чмокая не слишком платонически. Да и, когда к тебе прижимаются столь выдающимися выпуклостями, невинный романтизм поневоле уступает место более горизонтальным желаниям.

– И тут входит Ким Вадимович... – пошутил я.

– А мы по-приятельски! – засмеялась Лидия.

Осторожный стук в дверь спугнул очарование, а Теплицкая отшагнула на «пионерскую дистанцию».

– Войдите!

Порог перешагнул давешний человек в черном. Правда, костюм он сменил на серый, но выражение, с которым «первый» смотрел на жену, осталось прежним.

– Ого! – воскликнул Ким Вадимович. – А это кто?

– Это я! – засветилась Лидия. – Правда, мне идет? – она крутанулась. – Это всё Марлен! Представляешь, он делает из-зумительные прически!

– Только никому! – поднял я руки. – Это просто мое хобби!

– Могила! – торжественно поклялся первый секретарь райкома.

– Прошу! – шаркнул я ножкой. – Пельмени будете? Домашние!

– Нет-нет! Марлен... м-м... Я пришел лично, потому что... Да что я мямлю! – поморщился Теплицкий. – Лично, не лично... Вы спасли мою жену, Марлен, а она мне очень, очень дорога... – его голос дрогнул. – И я бы хотел выразить свою благодарность... м-м... более предметно, что ли... Вы только не обижайтесь!

– Да я всё понимаю, Ким Вадимович, но... не надо ничего. Не то, что бы я мнил себя бесребреником, просто... – мои губы поплыли в улыбку. – Ну, вы сами посмотрите! Ну, на что можно обменять красивую женщину?

Я нисколько не кривил душой – Лидия, высокая и статная, сохранила великолепную фигуру. Возможно, она не рожала, иначе откуда столь заметная талия, но все равно... В будущем мне очень нравилась Екатерина Климова. Прелесть же!

– Да-а! – Теплицкий отзеркалил мою улыбку. – Ну-у... Тогда я ваш должник, Марлен! И... Кто-то тут упоминал пельмени...

– Бу-сде! – ухмыльнулся я.

Глава 4

Глава 5.

Вторник, 19 апреля. Утро

Приозерный, улица Горького

Сегодня планерки не было – товарищ Быков даже не заглядывал в кабинет главного, а сразу шмыгнул в свой, не шибко просторный, и не высовывался оттуда.

Вероятно, пропаже ВРИО с горизонта событий способствовала Галка, взорвав в редакции информационную бомбу:

«В бюро статистики – пожар! Весь второй этаж выгорел! А там чуть не погибла супруга первого секретаря райкома! А Марлен ее спас! В горкоме уже хлопочут о награждении медалью «За отвагу на пожаре»!»

Вот в таком духе, в таком разрезе. Надо полагать, Быков испугался оргвыводов, потому и затаился. Вдруг, и аз воздам?

«Обойдешься!» – с этой мыслью я юркнул в кабинет, самому себе напоминая Алексея Петровича.

Отсидеться мне не дали, в дверь ломанулись сразу трое – Галинка, Наташа и Зиночка. Улыбки до ушек.

– Привет, герой! – зазвенела Горбункова.

– Да я мимо проходил... – отыграть скромность не удалось.

– Ага! Ага! – загомонило всё трио.

– Пошли к нам! – затеребила меня Ергина. – Сюрприз-из!

– Девчонки, не пугайте...

Голоногая троица, хохоча, перетащила «героя» в «девичью» – комнату, куда вместительнее моей, и гораздо более уютную: на подоконнике – цветы, на полочках – сувенирчики... На столе – здоровенный торт «Киевский», а в «гостевом» кресле – первый секретарь лично.

– Доброе утро, Ким Вадимович, – поздоровался я с запинкой.

Ощувив растерянность в моем голосе, Теплицкий ухмыльнулся.

– Доброе, Марлен, доброе! – он прищурился. – Не сумел вас отблагодарить, так хоть за редакцию порадеете?

– Ну, если торта дадут, кусок побольше – и с розочкой! – хищно улыбнулся я, – то, чего ж не порадеть? Нам бы хорошие пишмашинки, Ким Вадимович. На старых устаешь долбить, пальцы болят!

– Ага! – поддакнула Наташа. – Даже в приемной, и то!

– Организуем, – энергично кивнул Ким Вадимович, и пошутил: – Прошу считать меня Дедом Морозом! Какие еще желания?

– Номеров бы побольше... – Зина неуверенно переглянулась с девочками. – Телефонных, я имею в виду. А то, у нас у редактора только, и один общий. Звонят мне или Лысых, а трубки поднимают все. И каждый раз такая неразбериха!

– Сделаем! – бодро откликнулся первый секретарь. – А чай где, красавицы?

– Греться! – резво доложила Галка. – У нас электросамовар. Большо-ой! Ведро воды влезет!

– Ким Вадимович, – улыбаясь девичьему хвостовству, я оседлал стул, – а где ваша Снегурочка?

– В Дубки подалась, – мягко вымолвил Теплицкий, и зарумянился. – Лидочка и сама деревенская, и мама ее там живет. До сих пор новой прическе радуется! Помолодела, говорит,

лет на десять! Да я и сам рад... А у вас, Марлен, целых два таланта – и писать, и стричь! Э-э... – смутился он. – Кажется, я лишнего наговорил...

– Да ладно, – махнул я рукой, – все равно ж узнают...

Девушки переглянулись.

– Ой, Зин, да мы же видели Лидию Николаевну! – плеснула руками Галя. – Помнишь, ты еще удивлялась?

– Ну, да! – Ергина неверяще посмотрела на меня. – Думаю, и когда ж она успела голову в порядок привести... Так это ты?!

– Сдаюсь! – поднял я руки.

– А мне сделаешь?

– А мне?

– Чур, я первая!

Теплицкий глянул на меня сочувственно, и приложил руку к сердцу:

– Чем могу загладить вину, Марлен?

– Да вот, – усмехнулся я, – отправить бы их на курсы повышения квалификации... В Москву! Не столько даже на учебу... Пусть бы пообщались с коллегами, набрались бы идей новых.

– А что, – оживился первый секретарь, – можно! Кого? – он достал из кармана книжечку в кожаном переплете. – Я записываю!

– Зинаиду Ергину, Галину Горбункову, Татьяну Лысых, Наталью Свиридову...

– На-талья... – бормотал Теплицкий, строча.

И тут на пороге возник Быков, застыв, как статуя командора.

– К-ким... Ва-вадимович? – пролепетал он.

– Здравствуйте, здравствуйте... – рассеянно обронил первый секретарь.

– Проходите, присаживайтесь, – спокойно пригласил я незадачливого ВРИО. – Угощайтесь. Скоро самовар закипит...

– Сви-ридову... – вывел Ким Вадимович. – Еще кого?

– Быкова, Алексея Петровича, – дополнил я список, наблюдая, как на лицах девчонок крайнее изумление сменяется растерянностью. И вот в подведенных глазках всплывает уважение – за «милость к падшим»...

– Чай гото-ов! – глухо донесся голос Лысых.

Придя в себя, отдышавшись, Быков промямлил:

– М-может, в кабинете главреда? А то тесно тут...

– Пожалуй, – согласился Теплицкий, пряча записную книжку, и подмигнул «малинику»: – Гулять будем!

Суббота, 16 апреля 2022 года. День

Москва, Сокольники

Марлен еще в четверг, сразу после встречи в «Шоколаднице», твердо выбрал путь деяний. Когда тебя мотает из прошлого в будущее, и обратно, нет особой мотивации «вживаться». Ты просто ждешь очередного перемещения во времени, отбывая житие.

Думаешь: «Что толку стремиться к чему-то, если тебя в любой момент окутает багровый туман?»

Но ведь наступит же когда-нибудь стабильность? А если ты в этом времени надолго? Что, так и будешь ждать? Так и собственных поминок дождешься. Может, лучше действовать? Хотя бы подтянуть тот организм, в который сунула тебя судьба!

И Осокин «отвел» Вагина в спортзал...

Найти фитнес-клуб в Москве не сложно, лишь бы по деньгам сошлось. Жадноватый, то есть экономный, Марлен отыскал подходящее место в Сокольниках – приличный спортзал с турниками, наборами штанг и гантелей, с самодельными приспособами. Видимо, отсутствие навороченных тренажеров и сказалось на цене.

Осокин зашел «накачаться» после работы, и часа два с удовольствием тягал тяжести. Разумеется, строго соблюдая элементарные законы ТБ, чтобы не покалечить организм, далекий от тренировок. А беговые дорожки «Кеттлер» совсем ни к чему – это здешний «пипл» с жиру бесится. Вон, парк рядом...

В пятницу, правда, все тело ныло и жаловалось, но Марлен лишь зубы сжал, и вечером снова вышел на станции «Сокольники» – надо было всерьез заняться прессом Игната...

* * *

Осокин пробежался трусцой, надавая иногда в манере спринта, и перешел на быструю ходьбу. Закалять тело надо последовательно, но постепенно. Организм пластичен, и примет ту форму, которой добивается человек. Захочешь – и развернешь могучие плечи. Не захочешь – будешь кисло смотреть в зеркало на дряблые мышцы и отвисшее пузо, которое не втянешь, как не пыхти.

Сопя носом, Марлен пружинисто шагал по аллее, когда вдруг расслышал негромкий плач. Не сразу, но он обнаружил источник негатива – за молодой порослью, на лавочке, сидела молодая девушка в спортивном костюме, и хныкала, сняв левую кроссовку.

– Накололись? – громко спросил Осокин, подходя.

Девушка вздрогнула, поднимая зареванное, но хорошенькое личико, и быстро заговорила по-французски:

– Простите, я вас не понимаю...

– Накололись? – повторил Марлен, перейдя на язык «нации прелюбодеев».

– Нет-нет, просто растянула! Сейчас, допрыгаю как-нибудь...

– Как-нибудь вы допрыгаетесь, – заворчал «попаданец». – Лучше я вас как-нибудь дотащу... Ну-ка, беритесь за шею!

Упершись коленом в скамью, чтобы поберечь спину, он подхватил девушку на руки. С виду она была легонькой, а вот плечи заныли, борясь с притяжением.

– Вы хорошо говорите по-французски, – оценила красotka, глядя недоверчиво, даже пугливо.

– Соседка обучила, – ответил Осокин, кряхтя. – Софья Павловна родилась в Кембридже, а когда началась война... задержалась в Париже – на двадцать лет. Так что тетя Софи и с английским мне помогла, и с французским...

– Наверное, она была советской шпионкой, – предположила ноша.

– Наверное... Уф-ф! Передохнем малость.

Марлен дошагал до очередной скамьи, уселся, а девушку устроил на коленях.

– Меня зовут Клод, – чопорно сказала француженка. – Я родилась в Сан-Тропе, хотя моя мама... она из Алжира.

– Это родство лишь придало вам прелести, – выдал Осокин приятную правду. – Как Изабель Аджани.

– Я тоже снимаюсь! – важно сказала Клод. – А вас как зовут?

– Игнат... Иньяс по-вашему.

– Иньяс... – вымолвила девушка, словно пробуя имя на вкус. – Моя машина... она рядом с воротами парка.

– Уже легче! – ухмыльнулся Марлен. – Ну, что, Диди? Пошли?

– Поехали! – захихикала Клод.

Сделав еще пару остановок, посидев и поболтав, они добрались до припаркованного «Мерседеса» – черного, коробчатого «Гелика», хотя и «поюзанного».

Бережно устроив девушку, Осокин забрался на водительское сиденье.

– Куда? – спросил он отрывисто, разбираясь с рычагами и педалями.

– Отель «Пекин»! Сначала я хотела остановиться в сталинском отеле «Москва», но мне сказали, что это новодел, – щебетала Клод. – Ну, так же не интересно!

– Да уж, – хмыкнул Марлен, выруливая.

Права у него были – там, в далеком-предалеком 67-м. И справиться с «мерсом» он сможет, хотя все равно боязно – в Москве будущего не движение, а какое-то стихийное бедствие! Лавина! Сель! Но не показывать свою трусость девушке.

И Осокин намертво вцепился в руль, напрягшись весь, да так, что задубела спина...

...Расцепить слипшиеся пальцы удалось только у подъезда гостиницы.

– Фу-у... – отчетливо выдохнул Марлен, и Клод нежно засмеялась.

– Ты давно не садился за руль?

– В Москве вообще ни разу! Я, как и ты, приезжий здесь, хоть и не из такого далека...

Ну, что? Пошли?

– Поехали! – озорно засмеялась девушка.

Снова взяв на руки приятный груз, Осокин зашагал к шпильстой высотке. Мысли вертелись всякие, пробилась даже стыдная радость – не надо сегодня на тренировку идти! Натаскался уже...

Стоило Марлену с его ношей показаться в фойе, как к ним подкатился толстячок с обширной плешью и густыми усищами.

– Ах, мадмуазель Азани! – возопил он, шлепая в ладоши. – Почему вы не предупредили нас? Ах, что случилось?

– Пустяки... – просипел Осокин, опуская девушку на пухлый диван. – Мадмуазель подвернула ногу. Холодный компресс – и к понедельнику даже хромота пройдет.

– Ах, ах! – забегал толстячок. – Спасибо, мсье! Гастон!

Шагая вразвалочку, приблизился дюжий малый – видимо, телохранитель, – и легко, как куклу, поднял Клод Азани.

– Иньяс! – всполошилась она. – Твой телефон!

Марлен вложил в ее ладонь визитку, улыбнулся и помахал на прощанье.

«Приятная девочка... – мелькнуло у него в голове. – Но Аленка... К ней все равно тянет сильнее. Надо же... Соскучился как! А думал, что так, просто, побалуемся – и разбежимся...»

Вздохнув, Осокин вышел на улицу и побрел к метро.

Понедельник, 18 апреля 2022 года. Утро

Москва, улица Правды

Рабочий день у Марлена начался прямо в фойе, где крутился народ со всех этажей и бесчисленных офисов. В какой-то момент «менеджеры» отхлынули, кучкуясь вокруг кофе-автоматов и напоминая стайки крикливых птиц, а вокруг Осокина образовалась пустота. Ее попытался заполнить пожилой человек, одетый дорого, но со вкусом.

Поозиравшись, он обратился к Марлену, старательно выговаривая по-русски, но с явным англосаксонским акцентом:

– Прошу простить... Не могли бы вы подсказать, как мне найти рекламное агентство «Либереум»?

– Считайте, что вы его нашли! – ответил на английском Марлен, цепляя голливудскую улыбку. – Я сотрудник «Либереума». А что вы хотели?

– О-о! – возрадовался гость, с облегчением переходя на родной язык. – Меня зовут Джеймс Карлайл, и я представляю интересы компании «Кока-Кола». В свете февральских событий мы... обязаны вывести бизнес из России, но... Нам не хочется терять прибыли. Мы... как это говорится... smenim vivesku – и продолжим свою деятельность, пусть и под другим брендом.

– Резонно, – согласился Осокин.

– Да! – вдохновился Карлайл. – И потому желательно развернуть рекламную кампанию. Свежие, нестандартные идеи приветствуются – и хорошо оплачиваются!

– Мистер Карлайл, вы обратились по адресу и очень вовремя, – улыбнулся Марлен, внушительно добавив: – Идеи есть. Пойдемте, я провожу вас...

Отдав рекламодателя на растерзание юристам, Осокин переступил порог общего зала, с ходу окунаясь в нервную, наэлектризованную атмосферу. Пока одни «творцы» выколачивали из клавиатур тексты слоганов, другие подсакивали, как ужаленные, вырывали у принтеров распечатки и мчались куда-то, словно ополоумев. А галдеж, звонки сотовых, треск и клацанье витали под потолком, закручиваясь в облако амока между грубых решетчатых балок из некрашенной стали.

– Опоздываем? – глумливо усмехнулся Вика Левицкий, появляясь ниоткуда. – Ай-я-яй, как можно... Придется сделать оргвыводы и принять меры, товарищ Вагин!

– Переживу, – рассеянно ответил Марлен.

– Ну, да! – растянул губы Вика. – Двадцать пять процентов тебе уже скостили, теперь еще вычтем. Полпремии – долой! А месткома у нас нет, жалиться некому!

– Вы меня утомили, господин Левицкий! – нетерпеливо высказался иновременец.

– Я тебя еще не так утомлю, – с угрозой вытолкнул визави. – Кстати, принимаю поздравления – меня назначили начальником отдела!

– Счастья в работе и успехов в личной жизни! – Осокин обошел Вику, и юркнул в свой загончик.

Левицкий замаячил неподалеку, томно переговариваясь с подпевалами по-английски:

– Эти пролетарии так несносны! Грязь из-под ногтей вычистить даже не догадуются, так и тюкают по клавише!

Две густо накрашенные девицы, пухлые от силикона, с готовностью захихикали, а Марлен сдержал улыбку.

В резюме Игната, в строке «Владение иностранными языками», стояло: «Читаю и перевожу со словарем». Ну, что ж, пусть эти мелкие вражинки и дальше принимают его за тварь бессловесную. Секретность – оружие пролетариата...

– Привет! – через оградку перевесился местный фотограф, Руслан Малеев. – Достают?

– Да фиг с ними, – философски выразился Осокин. – Вика – обычный мажор, избалованный мамсик. Но пишет, вроде, неплохо!

Лицо Руслана приняло растерянное выражение.

– Да ты что, не в курсах? – затынул он приглушенно. Оглянувшись, почти прошептал: – За Вику наша Дашка пишет! Тот ей двести евро, а она ему – заметку! Понял? У Дашки ребенок, два годика, и ни квартиры, ни связей, ничего. Вот и пишет – за себя и за того парня! Песня такая была раньше...

– Помню, – скривился Марлен. – Вот ведь... Куда я попа-ал...

– В гадюшник! – хохотнул фотограф, исчезая.

Осокин минут пять смотрел в мерцавший экран. Фоновым рисунком рабочего стола Игнат выбрал фото марсианской пустыни. Марлен водил глазами по оранжевым дюнам, по блеклому небу, и душу заполняла глухая тоска.

«Куда я попал? Светлое будущее... На Украине – фашисты, в России – капиталисты...»

Он вспомнил, как вчера вечером, проходя мимо ночного клуба, углядел двух парней, вылезших из приплюснутого «Ламборджини» – вихляя худыми задами, они двинулись в обнимку...

Осокин испытал приступ ноющей боли, словно от старой, незалеченной раны.

«Наш паровоз давно уж не летит вперед – его загнали в тупик, где он тихо ржавеет...»

* * *

Едва часики на компьютере свели стрелки на одиннадцати, как верещащий голос секретарши разнесся по залу:

– На планерку! Осокин, тебя это тоже касается!

Пожав плечами, Марлен зашагал в кабинет Кириллыча, обширный, но уж очень светлый, прозрачный, как аквариум для единственной рыбы.

Шестеро созданных загремели стульями, подсаживаясь к длинному «заседательскому» столу. Осокин числился седьмым.

Мельком глянув на него, главред довольно проворчал:

– У Игната клюнула крупная рыба. Наша задача – постараться, чтобы она не сорвалась...

Как назло, заиграл телефон у Марлена, и все с осуждением уставились на нарушителя тишины.

– Извините, Владимир Кириллович, – поморщился Осокин, – это мистер Карлайл.

– Так ответь! – резко сказал редактор.

– На громкую связь поставь, – невинно улыбнулся Вика.

Марлен выложил сотовый на стол.

– Хэлло, Игнэйшес! – громко сказал Карлайл, растягивая звуки на южный манер.

– Хэллоу, Джеймс! – Осокин легко подхватил простодушную фамильярность американца. – Мы как раз собрались обсудить ваш заказ... – уловив жест Кириллыча, он быстро добавил: – Может, присоединитесь он-лайн?

– О, да-да!

Глянув на перекошенное лицо Левицкого, Марлен поймал момент чистого детского удовольствия. Вскоре брыластое лицо рекламодателя вспухло на экране «плазмы».

– Добрый день, господа! – церемонно поздоровался Джеймс. – Чем порадуете?

– Виктор? – главред бросил взгляд из-под набрякших век.

– Мы разработали креативный ролик для целевых аудиторий...

Вика говорил уверенно, хорошо поставленным голосом, пересыпая свою речь массой заумных терминов, вроде «кейса», «нативки» или «сторителлинга», а на экране круглилась, плавно вертясь, бутылка, блестящая росистым конденсатом. Хлопнула крышечка, выпуская влажный «дымок», и отчетливое шипение воззвало к чувству жажды.

– М-м... Неплохо... – промычал Карлайл, сохраняя постный вид, и неожиданно спросил: – Игнэйшес, ваше мнение?

– Не хочу никого обидеть, – вздохнул Марлен, – но подобных кадров я насмотрелся вдоволь. И пиво шипело, и кола, и капли стекали... Повторение пройденного.

– Предложи лучше! – дернул губами Левицкий.

– Ну, не знаю, лучше ли, – спокойно договорил Осокин, – но иначе – точно. Тут упоминали целевые аудитории... Я как-то думал над этим. Мы постоянно втюхиваем колу или пепси молодежи! А если перевернуть ситуацию?

– Излагайте, Игнэйшес!

Поймав заинтересованный прищур Владимира Кирилловича, Марлен кивнул.

– Представьте себе комнату в стиле хай-тек, полупустую, чистую – и неуютную. Тусклые краски, блеклые лица... Мать, отец и дочь – вялые, бледные и серьезные. Они цедают из про-

зрачных бутылочек бесцветную жидкость, ибо заняты фитнесом и почитают ЗОЖ... Можно и музыку пустить по их подобию, что-нибудь унылое и тягучее. И тут врывается бабушка! Очень живая и яркая леди, седая, но знающая толк в чувственных удовольствиях. «Что-то пить захотелось!» – говорит она мимоходом, шествуя к холодильнику. Внучка протягивает ей свою воду, но бабка морщится: «Не вкусно!» Открывает холодильник, где увядают салат со шпинатом, и достает сосуд с колой. «Бабушка! – говорит с негодованием девочка. – Это же не полезно!» «Зато вкусно!» – с чувством парирует старушка, и цедит колу...

– Интере-есно... – затынул Карлайл. – К этому сюжету так и просится продолжение!

– Совершенно верно, и даже не одно! Внучка захочет попробовать колу, а бабушка не жадина, и вот уже они обе – яркие образы. И так, постепенно, чередуя смешные случаи, бабушка перетянет на свою сторону всю семейку. Преобразится и родня, и дом!

– О`кей! Мне это нравится! – решительно заявил американец. – Детали обговорим после обеда.

– Тогда мы приступаем, – мигом вклинился Кириллыч.

– Да-да! Время – деньги!

– Мы готовы... – внушительно начал Вика, но главред сделал нетерпеливый жест в его сторону.

– Игнат, проект на тебе, – сказал он веско. – Бери, кого нужно!

– Руслана нужно, Дашу... – перечислил Марлен. – И хорошего... м-м... айтишника.

– Валдис подойдет? – деловито спросил Кириллыч, торопливо делая пометки.

– Вполне.

– Бери – и за работу!

* * *

«Мобильная группа» Осокина собралась у Руслана, в его маленькой студии. Робкая Даша, миниатюрная шатенка, понемногу отошла, уяснив, что шеф в лице Марлена вовсе не собирается ее гнобить.

А Валдис Смирновс, с самого рожденья заторможенный, смахивавший на добродушного, неуклюжего викинга, совершенно преобразился за компьютером, успевая следить сразу за тремя дисплеями.

– Даш, – Осокин отвалился на спинку кресла, и потянулся, – на тебя мы взвалим кастинг. Подберешь и семейку, и бабуську.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.